

вол судьбы старшего поколения моих соотечественников. Особенно того славного, героического племени, чье время рождения пришлось на 20-30-е годы уходящего в небытие столетия. Это не они ли приняли на себя вихри-ураганы, не они ли подставляли грудь под молнии и камнепады нелег-

лезное для страны. К месту тут добавить, что именно из шеренг таких людей вышел легендарный теперь директор Новотрубного завода Федор Александрович Данилов. А бок о бок с ним долгие годы проработал и наш герой, будучи одним из первых его помощников и, что очень немаловажно, - единомышленни-

ге - мои вопросы звучат громче обычного в этой уютной домашней обстановке. У Александра Васильевича с возрастом все заметнее стало влияние на слух бывшей фронтовой контузии. Тут, видимо, оказалась свое воздействие и многолетняя работа в заводских цехах, наполненных гулом, звоном и грохотом.

- А как вы попали на фронт? По повестке? Добровольно? - спрашиваю у Александра Васильевича. Вот уж и правуком он обзавелся, а снова молодого блеснули глаза, заглянув в юные свои годы.

- Лишь два дня прошло, как защитил я в УПИ диплом инженера-металлурга. Даже еще все документы не успел

линии всю войну. С нею встречал и Победу. А пока шел к концу лишь 1941-й...

Как раз в эти дни, по свежим следам, и понаухал впервые фронтowego пороха молодой офицер-военотехник. Выгружались под Старой Руссой, на станции Лычково. Не успели батареи тяжелых 152-миллиметровых орудий занять огневые позиции - авиационный налет. Долбежка станции с воздуха продолжалась долго и яростно. Батареицы вступили в дело, выполняя поставленную задачу, и тут... И тут - тревожный сигнал: одно из орудий жаржено, но выстрела из него не последовало. А боеготовность - на совести и долге военотехника. Бегом к этой гаубице: в чем дело? Расчет - в недоумении.

Есть в среде артиллеристов такой термин - "затяжной выстрел". Причины этого редкого случая могут быть самые разные. Рекомендуется отсчитать 50 секунд и, если выстрела не последует, принимать соответствующие меры, соблюдая сугубую осторожность: ведь тут пороко - смертельный риск. А в такой напряженке, во время боя, - риск двойной. Но ждать нельзя! По секундомеру отсчитал Калинин положенные секунды - нет выстрела. И сразу холодный протшиб. Подумалось: откровенье сейчас затвор, а в это время большой гаубицы снаряд взрывает и... ищи ветра в поле вместо твоего брэнного естества.

Однако, видать, в рубашке родился молодой офицер и вся орудиния прислуга. Освобожденная из ствола гильза лишь дымылась. Оказалось, во время выгрузки на станции в гильзу попал снег, превратившись потом в воду: порох из-за этого стал влажным, выстрела и не последовало. Таким вот было для Калинина боевое крещение.

Случались потом с ним и всякие другие моменты, где требовались личное вмешательство, а значит, и мужество военотехника.

Мы с Александром Васильевичем, конечно, прочно ступили оба на тропу войны. Попытки того или иного свернуть с нее успеха не имели. Старый воин на какие-то секунды примолкал, призадумывался, прокручивая в памяти кадры тех бесконечных километров, по которым шли наши войска к окончательной победе. Потом снова озвучивал их для меня. И веяло от тех кадров и смертельного холода, и великой людской печалью, и солёным солдатским юмором. Как говорится, и грех, и смех шли там рядышком, чуть ли не в обнимку.

Анатолий БУШМАНОВ.

На снимках: Александр Калинин - студент (1939 г.); на праздновании Дня Победы - слева направо: А. Н. Ячменев, Г. М. Помялов и А. В. Калинин.

Фото из семейного альбома.

(Окончание следует).

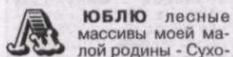

1941 - 1945

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ГОРОДА

ИЗ КОМАНДЫ ФЕДОРА ДАНИЛОВА

ОЧЕРК.

ЮБЛЮ лесные массивы моей малой родины - Сухолюбья, что примерно в сотне километров к юго-востоку от Екатеринбургa. Люблю их дремуче-сумрачные хвойные кордоны, лиственные перелески, вызолоченные по осени, серебряной строй березовых рощ. Почти ежегодно бывая там, люблю часами бродить под их кронами, сидеть на замшелых пнях, на прогретых солнцем полянах. Понаблюдать, поразмышлять под перешелк-пересвиств лесных птиц. Особенно в хорошо знакомых, изблюбленных мною уголках.

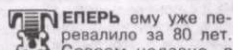
Деревья, хоть и намного долговечнее, но судьбами своими чем-то похожи на нашего брата - людей. Когда-то группу вот этих осеней я звал еще в самой зрелой их красе - в бронзовом загаре по всему крижистому стволу, с плечистым размахом густых ветвей. А вокруг, под их теневой кроной вился целый хороров елочек, словно девочки-подростки в зеленых платьицах с остроугольными подоломи. Вот эту черемуху я помню в молодом ее возрасте, с пышной белопенной причешкой в майские дни цветенья. Она, как заблудившая глушка, прикрывалась своими крыльями, словно цыплят, целый выводок робких крохотных осинок и березок, заслоняя их от жары, ветров и градобития.

Прошли десятилетия. И потемнели, покрылись узловатой корой сосновые стволы, и вон уже сохнут их когда-то упругие и сильные ветви. И устало клонит вниз свою гордую прежде вершину та черемуха, чьей красой любовались многие. А те осинки и березки вымахали акселератами, далеко обогнав ее в росте. Но, выпестован и выращен этих зеленых "деток", черемуха еще и сейчас продолжает поддерживать их гибкие ветви постаревшей своею главой. И с грустной горчинкой воспринимаю я сегодня эти пейзажи - будто некий сим-

кой нашей эпохи, стойко защищая свою Отчизну, свой зеленый юный подрост - нас с вами? Не они ли восстанавливали страну после долгой и тяжелой войны, а потом обустроивали и крепили ее, одновременно помогая новым поколениям вырасти из детских коротких штанишек?

Об одном из таких мужественных, уже стареющих, но несгибаемых духом людей и поведу я сегодня свой рассказ. Признаться сразу, что не хаживал с ним по лесу, вбирая грибные запалы - ибо они с женою заядли пешеходы-поисковики грибов и ягод; не рассуждал с ним о плодовых сортах, сидя под яблоневой кроной - ибо они с женою давнишние садоводы-любители; не сживал с ним ни разу у ночного рыбацкого костра под светлым бисером звезд - ибо и сам Александр Васильевич не весьма-то причастен бывал к рыбалке, а если и случалось, то был, как он признался, в роли рыбака всегда неудачлив. Нет, не посчастливилось мне таким близким образом пообщаться с героем своего рассказа. Разве что в свое время мельком встречался с ним в каком-нибудь из цехов Новотрубного завода или слышал его выступления на митингах, на собраниях ветеранов. Но и по кратким вот таким соприкосновениям, да еще после знакомства с густо уставленными вежами интересной его жизни, да по многочисленным добрым отзывам об этом незаурядном человеке - почувял я, что это яркий представитель уральской старой гвардии, родоначальники которой еще со времен Петра Первого поднимали славу горного Урала как опорного края нашей державы. Из той породы простых, честных, умелых и ни гнущихся под бурями людей, которых десятками, сотнями, тысячами ковала советская эпоха, как бы ее нынче ни охаивало "младое племя", еще палец о палец не ударившее, чтобы сделать хоть что-то по-

ков. Ведь рассказ-то я строю о бывшем главном прокатчике Новотрубного завода, кавалере многих боевых и трудовых орденов, ветеране-фронтовике, почетном гражданине города Первоуральска, о человеке с красивой русской фамилией - Александре Васильевиче Калининe.

ТЕПЕРЬ ему уже перевалило за 80 лет. Совсем недавно, в декабре, Александр Васильевич более двух часов уделил беседе со мной в скромном обставленной квартире Калининских, расположенной по улице Герцена в 50-х годов. Оба прочно утеснились за полированного дерева журнальным столиком на фоне кидистого лимонного дерева, ветки которого гнутся от тяжести самых натуральных плодов - и совсем зрелых, и только еще оформляющихся в младенческие "лимонки".

Сидим, толкуем, поворачиваем время вспять. Идем по фронтовым тропам, то по широкому пролетам цехов. И словно окна в многоэтажном доме памяти, озаряется светом то одна, то другая картина далеких, давно прожитых лет.

Мне нравится, как идет наш разговор. Александр Васильевич - хороший собеседник. Он повествует неторопливо, обстоятельно, с "развязыванием" непонятных мне узелков. У Калинина по его годам - отличная память. Факты из насыщенной своей биографии он воспроизводит подетально, к тому же подавая их то с юмористическим, то с трагическим (когда касается фронтовых эпизодов) оттенком. Располагает и сам его облик: совсем не стариковское, суховатое лицо интеллигентного человека, внимательность карих глаз за стеклами очков, заметная седина в аккуртной плотной причешке, доброжелательное тона. Единственное неудобство в нашем диало-

Коснулись в разговоре и этой самой контузии. А произошло это так. На Северо-Западном фронте в разгаре была весна предлобедного 1944-го года. Батареи орудийцев расположились в основном лесу. И, как нередко, уже бывало, началась артиллерийская дуэль: бойцы пытались накрыть своими снарядами вражеские орудия, а те в свою очередь - наши. В лесу снаряды, задевая за ветви, как правило, не достигают земли - рвутся в воздухе. Вот осколком одного из таких верховых снарядов и ударило капитана Калинина в висок. Ладно, что осколок угадал в каску...

Ну, а вообще-то судьба хранила молодого офицера-артиллериста во всех фронтовых перелетах. А попробуй-ка их перечесать на безмерно долгих километрах той войны... Доходило и до критических ситуаций, когда громада вражеских танков валом валила на позиции батарейцев, пытались втоптать их в землю. Бывали моменты, когда чуть ли не врукопашную приходилось отбиваться от гитлеровской пехоты. Случалось бывать в таких яростных боях, когда стволы орудий разогревались от интенсивности стрельбы, словно самовары при закипании. Не раз ежикались бойцы всем телом в любую щель под адовым кольцом бомбовых и снарядных разрывов...

В разговорах с ветеранами так уж и бывает: потяни за одно звено - следом пойдет целая цепочка фронтовых воспоминаний.

В институте забрать. И тут - война! А был я тогда, как и многие однокурники, сверстники мои, парнем крепким, спортивным. Занимался гимнастикой, лыжами, даже взялся за альпинизм. Вот и подумали: не нам, так кому же в первую очередь встать против Гитлера? В первые же дни в Сталинском военкомате (был тогда такой в Свердловске) скопились большие группы студентов-выпускников, подобных мне. Приступили к офицерам: хотим добровольно на фронт! Вначале отказывали, а потом взяли. Отсюда и пошел отсчет моим ратным дням...

КОЛО сотни добровольцев из свердловских институтов привезли в Москву. А там дороги их разошлись. Саша Калинин был зачислен на краткосрочные полугодовые курсы при артиллерийской академии им. Дзержинского.

Вместо шести месяцев проучились только четыре. И попал новоиспеченный военотехник первого ранга Александр Калинин в артиллерийский полк, уже побывавший в первых сражениях с гитлеровцами, крепко ими потрепанный, вышедший из окружения и направленный на переформирование под Молотово (Пермь) на станцию Верещагино. Полк этот вошел в состав 27-й артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования. Впоследствии она завоевала право называться Режичской ордена Суворова дивизией. С нею, по сути, и прошел Ка-

(Окончание. Начало в № 15)

ТОЛЬКО ЧТО освободили от гитлеровцев станцию Новосокольники под Великими Луками. Все тут было вздрезаги разгромлено. Бомбы и снаряды срыснули на пристанищеный поселок с землей. Гарью и дымом курлились развалины. Увидел Калинин, как один из бойцов приостановился вдруг, словно споткнулся, возле дощато-кирпичного крошева, над которым вздымалась изуродованное войною, совершенно голое, почерневшее дерево. Приостановился солдат, потом медленно походил вокруг, будто что-то искал на земле. Вот порылся в ней сапогом, наклонился и поднял... куклу. Обыкновенную детскую полуглязичную куклу.

- Чего это ты, браток? - спросил Калинин, подходя поближе.

- Так ведь тут дом мой стоял до войны, - отвечает солдат, а у самого слезы в глазах и зло играют желваки на заросших щетиною скулах. - Вот все, что от него осталось...

Горько вздохнул солдат, стяхивая с куклы комочки земли, положил ее за пазуху, поддернул винтовку на плече и тяжело зашагал дальше, оставляя за спиною родное пепелище.

- А самый тяжкий фронтовой случай? - допытывало Александра Васильевича. - Тот, который намертво сделал зарубку в душе?

- Да таких-то зарубок у каждого настоящего фронтовика наберется с десяток, - усмехается он. - Я вот, скажем, однажды чуть-чуть не "загрел под фары" военного беспощадного трибунала. А это для души и чести пострашнее, чем смерть от врага.

... Шел яростный бой, в который была втянута и пушечная батарея, где Калинин был воентехом. И вдруг в самый разгар сражения открываются сразу три пушки из четырех ведущих огонь по врагу. Как по команде, один за другим вышли из строя боевые штыри поворотных пушечных площадок. А отвечает за всю материальную часть он, Сашка Калинин! Позор! Небывалое ЧП! Холодело внутри у молодого офицера: явственно запыхало военным трибуналом. Случись такое в первые недели войны, сразу поставили к стенке и шлепнули: тогда особо разбирались было некогда. После боя принял на себя Калинин жестокий разнос, но до ареста дело не дошло. Вмешалась прямое начальство. Срочно были доставлены самолетом из Горького представители завода-изготовителя, которые признали погрешности при изготовлении стали для орудий и взяли вину на себя.

А вот уже эпизод "из другой оперы". Как-то эшелоны с артиллеристами перебрасывали на другой участок фронта. До этого базировались они неподалеку от молокозавода, общались с его коллективом. И вот "шефы" - молочки подарили им в дорогу по бочке молока на каждую вагон-тепловозу. В вагоне, где ехал Калинин с однополчанами, кто-то умудрился, взбираясь на верхние нары в темноте, опуститься прямо в бочку с молоком. Ухнул в кадушку в грязных сапогах и галфе - только брызги полетели. Хохот, гнев, матерки, солёные реплики! Стали судить-решить, что делать с молоком, опохлабленным этим раззявой. Пришли к мудрому решению: не выливать же такое

редкое для солдата добро наземь. Под непрерывные шутки-прибаутки употребили до самого донышка.

Отдельный рассказ можно написать про фронтовое Пушкиногорье в Псковской области, в освобождении которого Калинин принимал участие вместе со своими артиллеристами. Побывал он тогда и на могиле великого поэта в Святогорском монастыре.

Вообще надо сказать, что вся война прогремела для Александра Калинина на северо-западном участ-

ке, сельской учительницей Антониной, с которой познакомился по фронтовой переписке, а уж потом направился на Новотрубный завод, где в ту пору директором стоял Я. П. Осадчий, а главным инженером у него был Н. А. Тихонов - будущий Председатель Совета Министров СССР.

На инженерную должность Калинин не претендовал. Опыта у бывшего студента не было никакого - ни единого деншка. Кое-что из полученных в институте знаний и вовсе

больше четвертого. Там под началом Александра Васильевича было 800 человек, здесь - полторы тысячи. По воинским меркам - полнокровный полк.

1941 - 1945

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ГОРОДА

ОЧЕРК ИЗ КОМАНДЫ ФЕДОРА ДАНИЛОВА

повыветрилось из головы под грохот фронтowych орудий. Потому подобрал ему на первые разы должность помощника мастера в первом цехе на стане "220" ("Большой Штифель"). И первым его наставником тут был известный всему Первоуральску человек - Петр Ефимович Ненашев, будущий начальник этого цеха и Герой Социалистического Труда, всем цехом тогда руководил Георгий Михайлович Придан, а обермастером работал тут знаменитый Василий Иванович Сосунов - первый депутат Верховного Совета СССР от НТЗ.

Месяца через три перевели молодого инженера заместителем, а там и начальником смени. И с этого момента пошла расти вверх служебная лестница, по которой поднимался Александр Васильевич ступенька за ступенькой. Росла эта лестница до спиральнообразно, а то делала и резкие зигзаги. Избирал Калинин секретарем цеховой партийной организации. Был он начальником стана "140" № 2, был заместителем начальника цеха, заместителем секретаря заводского парткома, начальником производственно-распределительного отдела всего предприятия. Был он, кстати, в середине 50-х годов последним партгором ЦК на Новотрубном заводе; более поздние уже назывались просто секретарями парткома. Протрубил в должности партгором ЦК два года. Потом взмолилась душа: "Отпустите, мужики, на производство, в цех!"

Отпустили. Девять лет после этого начальствовал он в трубопрокатном цехе № 4. Потом принял Александр Васильевич на свои плечи цех № 8 - непрерывной прокатки труб, в котором в те годы побывали десятки, если не сотни гостей и делегаций - и отечественных, и зарубежных. Тут и управляться приходилось такому сложному даже такому набравшему уже немалый опыт, энергичному матерому инженеру, как Калинин. Даже по коллективу работающих восьмой цех был вдвое

Только в полку каждый подровнен под жесткие воинские уставы, а в цехе любой человек на особицу - со своим норовом, запросами, обидами, степенями мастерства.

В 1966 году директором Данилов, неторопливо, как было свойственно для его натуры, пригладившись к результатам работы Калинина, оценив все его деловые и человеческие качества, его преданность родному заводу, назначил Александра Васильевича на пост главного прокатчика завода. Тем самым ввел его в орбиту своих ближайших соратников и единомышленников. Глаз у директора на людей был отличен наметан. Не ошибся Федор Александрович и на этот раз.

На такой производственной громадине, как тогдашний Новотрубный завод, пост главного прокатчика, впрочем, и должности других главных специалистов, смело можно было приравнивать, на мой взгляд, к генерал-майорским, выражаясь опять-таки воинской терминологией. Техническая панорама обзора - широчайшая; подчиненных - десятки тысяч; ответственность - чрезвычайная велика. И это справедливо. Ведь новотрубники выпускали трубы и баллоны из более чем двухсот марок стали. Причем продукция их шла по таким важнейшим потребителям, как авиация, атомный флот, космос, автомобилестроение, атомная энергетика, нефтяная и газовая промышленность. То есть за ворота завода отгружалась продукция самой высокой пробы и до тонкости выверенной отделки. Тут главному прокатчику надо иметь незаурядную энергию, неутомимость мысли. Плюс знание не только каждого глухого уголка производства, но и людских душ.

И ежели Калинин несмеемо пробыл в этой должности 16 лет, значит, "пришелся он ко двору" и для руководства завода, и для всего трудового коллектива. Коли заметили бы за ним служебные промахи, возрастную усталость, то уж обязательно постарались бы тактично освободиться от него, дождавшись пенсионного возраста Александра Васильевича. Но ничего этого не случилось. Все делал он, как того требовало быстротекущее время, и шел

с ним нога в ногу. А ушел он из родного коллектива лишь в 70 лет. Ушел, как и пришел - с добрым, незапятнанным именем, с заслуженным почетом, с пятью государственными наградами за свой труд, среди которых три ордена - "Знак Почета", Октябрьской Революции и Ленина. Они органично слились с боевыми орденами и медалями фронтовика.

В А СОРОК ТРИ года, отданных Новотрубному заводу, посчастливилось ему работать при двух знаменитых на всю страну директорах - Осадчем и Данилове, при двух самобытнейших, крупных командирах производства.

- И каково ваше мнение о них? - спрашиваю, рассчитывая лишь на дипломатический ответ в общих чертах. Однако Александр Васильевич насыщает свой рассказ красочными, живыми деталями, и я слушаю с большим интересом штрихи из жизни этих незаурядных личностей. Ну разве не любопытно было узнать вот такую "юморину" про Осадчего. Он любил лично пройтись по цехам. И вот однажды во время такой прогулки за шиворот гражданского светлого директорского костюма с мостового крана, плывущего поверху, вдруг упала, как гром с ясного неба, большущая клякса мазута. Долго еще потом укорял Яков Павлович цеховых начальников: "У вас нормального человеку и по цеху-то невозможно без неприятностей пройти..."

Данилов же, если "горел" с выполнением плана какой-нибудь из цехов, зазывал Калинин к себе в кабинет и строго говорил: "Давай-ка закрывай свою избушку на ключик и переселяйся в цех. Будешь сидеть безвылазно до тех пор, пока дело не наладится..." И приходилось главному прокатчику скрупулезно выполнять приказ Деда, как в последние годы звали на заводе Федора Александровича. И порою оставаясь в "неблагополучном" цехе довольно длительное время.

Оба они были оригинальные люди, неповторимые личности, своего рода самородки, - продолжает мой собеседник. - При Якове Павловиче завод заслужил два ордена и при Федоре Александровиче два. Но предложение я лично отдал, конечно же, Данилову. Был он как-то проще, душевнее, ближе к людям, умел находить общий язык с простыми работниками. Видим, потому, что сам вырос из рабочей спецовки. А Осадчий, тот держался несколько отчужденно, холодно, по-начальственному, соблюдал дистанцию между собой и рабочим людом.

Александр Васильевич подходит к книжным полкам, достает изящно оформленную, в оранжевом переплете книжницу, кладет передо мной на журнальный столик.

- Кстати, - говорит он, - вот в этой своей книге, посвященной Данилову, уральский писатель Борис Путилов очень обстоятельно и душевно рассказывает о Федоре Александровиче... Знаю. Читал я и этот томик под названием "Календарь Федора Данилова", и продолжение его, которое написано было писателем через несколько лет, уже после смерти Данилова. Называется вторая часть "Мудрый Дед". Так, повторюсь, называли своего директора на заводе в последние его годы.

- А что, Александр Васильевич, - спрашиваю я в завершение нашей неторопливой и длительной беседы, - наверное, нередко приходилось вам бывать на заводе, в его цехах и кабинетах, в рабочих курилках от зари до зари? Ведь у главного прокатчика, как и у любого главного специалиста, на каждый день целый ворох проблем, задач, вопросов, которые следуют решить оперативно и наилучшим образом.

- Ну, может, не совсем уж так жертвенно все выглядело, чтобы - от зари до зари. Но когда дело требовало особой неотложности, тут, действительно, случалось сутками не выходить с предприятия. А то, что обязанностей целый ворох, это правильно. Только начни их перечислять. Тут и план (это уж - первую очередь!), и капитальные ремонты станков, и контроль за деятельностью начальников цехов, и состояние оборудования: чтобы не было никаких поломок, никаких технологических неувязок. И так - до вопросов техники безопасности, когда приходилось требовать ее исполнения с придирками, со спорами и откровенным руганьем...

Крепкого закала формировались люди тех лет. С обостренным чувством гражданского долга, с прочным, хорошо выверенным нравственным каркасом, с добрыми, солидными характерами. Многие из них были проверены в огне недавних фронтов, прошли через горнило тыловых тягот в годы войны. И не утратили в душах ни света, ни тепла, озаряя ими других. Так многие из ветеранов живут и теперь. К месту тут подчеркнуть, что весь небольшой отряд почетных граждан города Первоуральска состоит именно из таких людей. В их числе и Александр Васильевич Калинин. Ему звание почетного гражданина Первоуральска было присвоено почти пять лет назад, накануне 50-й годовщины Великой Победы.

А ВЕРШАЯ подобно рода рассказы, приятно упомянуть и о делах семейных. Не буду рушить эту традицию. Та приволжская девушка, за которой Калинин после фронта ездил в Горьковскую область, стала тогда его женою. Три года назад озвучила их золотая свадьба. Живут Антонина Андреевна с Александром Васильевичем душа в душу, во всем понимают и поддерживая друг друга. В теплое время года коротают время на садовом участке, выращивая плоды и ягоды. Вот и меня угостила хозяйка терпким облепиховым соком собственного изготовления. Давным-давно выросли и вышли в люди два сына Калининных - Василий и Андрей, инженеры-металлурги. Оба живут на Урале, имеют свои семьи. Внучка Марина одарила супругов правнуком. Называли Александром - в честь прадеда.

Прощаясь, я от души пожелал супругам в первую очередь доброго здоровья. - Поживем еще, какие наши годы, - откликнулся, шутиливо улыбаясь, Александр Васильевич. - Поживем, дождемся лучших времен... И Антонина Андреевна с добрым лицом стояла рядом с мужем, согласно кивая его словам.

Анатолий БУШМАНОВ.

На снимках: через восемь месяцев после войны; а здесь Александр Васильевичу 38 лет.